

Одна поездка с Ириной Архиповой
Соб. Ржевск. -1993. -Ченв.

Валенки примадонны

В соседнем купе пели. Пели плохо, кто в лес, кто по дрова, безбожно перевирая мелодию. А мы слушали. Иногда комментировали, угадывая песню, — «Вот кто-то с горочки спустился», «Соромовская лирическая»... Улыбались. Было в этом пении что-то бесконечно милое, наше, родное, очень близкое сердцу обеих, хотя и донимал меня вопрос: неужели Ирину Архипову не раздражает это насилие над мелодией, музыкой, звуком? Но она снисходительно улыбалась: видно, что-то большее виделось ей за этим пением.

Мы ехали в Москву из Челябинска, где Ирина Константиновна дала два концерта подряд в знаменитом органном зале города, исполнив цикл музыкальных миниатюр композиторов XVII—XIX веков, объединенных общим названием «Ave Maria», — Лист, Бах, Верди, Шуберт, Гондольфо, Луцци, Тости, Керубини. Два вечера неземной радости света, красоты, очищения. Публика — цвет музыкальной общности города (музыкальное общество с помощью меценатов сумело сделать ей такой подарок к Рождеству — билеты были бесплатные), — эта публика, несмотря на свою подготовленность, была ошеломлена — великая певица продемонстрировала такое блистательное мастерство, оарив слушателей такой радостью духовного восхождения, что благодарности не было предела.

Ночью после концерта, забившись в комнатке загородной дачи, мы долго разговаривали: «...Многие из актеров сейчас предпочитают ехать на Запад. А я настоящее удовлетворение получаю здесь. И там я имею огромный успех и самые высокие награды. Вот и сейчас, как вы слышали, Международный биографический центр Кембриджа наградил меня премией XX века за достижения в области вокального искусства и педагогики. Англия хорошо знает мое творчество — на протяжении 20 лет я там постоянно пою в театральных постановках, в частности в «Трубадуре» с Монсеррат Кабалье и с симфоническими оркестрами, пою сольные концерты

и в Лондоне, и в Глазго, и на Эдинбургском фестивале... И каждый раз критика спорит, — Ирина Константиновна смеется, — как же отражается возраст на моем искусстве. Вот и перед приездом сюда — 27 ноября в «Элизабетт куин-холле» меня встретили такой шквальной овацией, что долго невозможно было начать концерт — просто в благодарность, что приехала. Трогательно до слез. А не успела долететь до Москвы — звонок: в следующем октябре петь в «Вигмар-холле», это тоже в Лондоне. Они ведь все делают заранее...

— И несмотря на это, вы говорите, что, выступая дома, испытываете большее удовлетворение?

— Понимаете, когда я пою там, я испытываю удовлетворение от того, что люди понимают, ценят мое искусство. Но мне надо, чтобы меня понимал мой народ. В общем, почему я всегда требую от себя каждый раз петь «лучше самой себя»? Ведь не для себя же лично. Для престижа своей нации, своего народа.

Я вспомнила, что, когда мы ехали из Москвы в Екатеринбург, Ирина Константиновна читала книгу «Тютчев» В. Кожина. Хотелось поговорить подробнее об этой книге, но Ирина Константиновна продолжила свою мысль: «Для того, чтобы оценить Россию по-настоящему, надо много видеть. Некоторые приедут на Запад, глянут на изобилие и думают, что оно так прямо их и ждет. А переедут и — начинают куваться... Для русских, кроме России, ничего не существует...»

— В Челябинске вас хорошо знают, ждали вашего приезда, готовились к нему...

— Это мои товарищи по институту, архитекторы. По окончании вуза после войны они уехали строить Челябинск. Многие центральные улицы этого города созданы по их проектам. Я пишу о них и в своей книге.

— Они вас принимали в Челябинске. Вы всю жизнь поддерживаете эти отношения?

— Мне очень дорого все, что связано с архитектурным институтом. Это люди из моей юности.

— Очень непосредствен-

ные. Как неожиданно ваша Дина сказала: Ира, а ты стала петь лучше. И держишься на сцене сейчас более демократично. В прошлый твой приезд в тебе было что-то от примадонны.

— Да, знаете, это было, когда мы привозили в Челябинск «Кармен» с Пьявко. Тогда я действительно больше смущалась, а от этого и защитная реакция — держаться примадонной. А то, что петь стала лучше, мне многие говорят. Сейчас я чувствую себя более раскованно. Раньше я старалась петь технически очень правильно, напряженно следила за этим.

И мне вспомнилось видение Графини из «Пиковой дамы». Это было в Екатеринбурге. Архипова вышла на сцену в концертном платье, взяв в руки только палку. Но это была поистине старая графиня. Этот проход актрисы я видела и на репетиции, и всякий раз меня поражаало отсутствие нарочитой театральности: все было естественно, но очень значительно. Вот она уже в кресле, уходит в грезы свои, и... слыется голос удивительной красоты, уводящий слушателя в таинство любви.

Каждый по-своему поет этот образ. Пение Архиповой чарует и даже пианиссимо несет в зал, торжествуя

над бушующим оркестром.

Концерт Архиповой 9 января в Екатеринбурге стал событием. Ради него ехала она на фестиваль. Но в день концерта, примерно за 3 часа, ей стало плохо. Потом говорили, что якобы в эти часы неслась к земле комета. Вызывали врача... И все же Архипова вышла на сцену. Спела первое отделение. Но была недовольна собой. В антракте сказала мне раздраженно в ответ на похвалу — нет, нет, у меня нет сил, я не могу держать звук...

И вот второе отделение. Диктор объявляет выход на сцену молодой певицы из Киева: Виктория Лукьянец. И сопрано чистой воды льется легко и свободно, мгновенно завоевывая зал. Триумф. И следом — выход Архиповой. Зал напряжен — теперь они поют вместе. Дуэт Весны и Снегурочки. И радостные, полные торжества жизни и любви звуки выражаются к слушателю. Зал покорен. О, нет, не только красивый тембр и сила голосов тому причиной, величественная красота исходит от всего облика большой актрисы, излучающей не только благородное покровительство и любовное юное партнерство, но и показавшей истинную магию и победоносную силу своего великого мастерства. И какими

смешными в эту минуту показались недавние страхи, что молодой сильный талант может затмить мастера. Вспомнилось: в первой постановке «Снегурочки» Весну представляла М. Ермолова. И подумалось: вот сила преемственности русского искусства, вот магия мастерства русского театра. И, наконец, заключительный аккорд концерта: Архипова с той же Лукьянец поет идиллическую Пастораль из третьей картины «Пиковой дамы». Более изящную, изысканную в своей простоте и грации постановку трудно представить — два голоса, слившиеся в удивительной гармонии, и один лишь жест великой актрисы и милое, легкое, как дуновение ветерка, кружение возле нее молодого таланта.

О Виктории Лукьянец Ирина Константиновна говорит с нежностью...

— Идея фестиваля в Екатеринбурге родилась у нас, в Союзе музыкальных деятелей. Мы назвали его «Ирина Архипова представляет». Мне кажется, этот фестиваль помог не только молодежи — ведь приехали исполнители со всех концов России и, как теперь говорят, ближнего зарубежья. Ерасова, первая премия конкурса Чайковского, несколько лауреатов алматинского конкурса, Иван Пономаренко из Киева, Ирэна Мильквичюте из Литвы... Фестиваль имел свою форму и задачу — в каждом спектакле я представляла одного, двух, трех молодых солистов, которых здесь совсем не знали. Успех был огромный. По этому принципу и отметил Екатеринбургский театр оперы и балета свое 80-летие.

Ирина Константиновна говорит увлеченно, тепло. Сколько их теперь по всей России — музыкантов и певцов высочайшей культуры, которые не только украшают сцены отечественных театров, но и славят русское искусство по всему миру. — Д. Хворостовский, В. Чернов, О. Бородин... И сам собой приходит ответ на вопрос: так вот зачем Ирина Архипова поехала в столь непростые для нее гастрольные туры. Для нее важно и охранить накопленный Родиной

потенциал в ее сфере деятельности.

Да, было и много вопросов, которые необходимо решать на месте президенту Межнародного союза музыкальных деятелей Ирине Архиповой. И, в частности, ее нравственная позиция имела очень важное значение в споре, который раздирает Челябинск, — отдавать ли православной церкви храм Александра Невского, в котором несколько лет назад горе-устроители установили прекрасный орган. Когда Ирина Константиновна впервые вошла на крыльцо храма, реакция ее была однозначна: как?! Орган в православном храме? Почему вы не сказали об этом раньше — я бы не приехала! Настроение было испорчено, и певиче очень трудно было настроиться на нужную артистическую волну. Но позже, на встрече в администрации города и в интервью по телевидению, Архипова твердо заявила — органу не место в храме Александра Невского.

Когда мы ехали из Екатеринбурга в Челябинск, по дороге во время короткой остановки Ирина Константиновна увидела валенки. Мы подошли, и она их купила. Я удивилась — уж больно не вязались, как мне показались, эти валенки с обликом оперной примадонны. Но об этих валенках Ирина Архипова говорила повсюду, и первое, что сказала любимому человеку, встречавшему ее на перроне в Москве: ты знаешь, что я купила? — валенки!

И я поняла. Нет, это не каприз. Для нее это символ суровой и трудной судьбы России. Это частица ее военной юности, о которой так подробно написала Архипова в своей книге, это живая частичка Родины, во имя которой творит Ирина Архипова свое великое искусство. «Ее голос обладает специфически русским тембром, русской окраской», — всякий раз подчеркивает зарубежная пресса. И эти краски ее душе, добавив от себя, дает ее преданность в служении России.

Г. ОРЕХАНОВА.

Екатеринбург —
Челябинск —
Москва.